

ПАРАДОКС ВОСКРЕШЕНИЯ ЕЛЕАЗАРА (ПО ПОВЕСТИ Л. Н. АНДРЕЕВА «ЕЛЕАЗАР»)

Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д. В. Парадокс воскрешения Елеазара (по повести Л. Н. Андреева «Елеазар») // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2023. № 1 (8). С. 90–115. DOI: 10.31802/WI.2022.8.1.007

Аннотация

УДК 82.091 (27–36) (821.161.1)

Цель статьи — рассмотреть историю создания, литературные и философские истоки, сюжет, образно-символическую систему рассказа Леонида Николаевича Андреева «Елеазар» и выявить художественные особенности образа Елеазара, авторскую концепцию смерти и воскрешения человека в евангельском контексте на материале данного произведения. Основу методологии исследования составляет системный подход к анализу поэтики художественного произведения в контексте православной культурной традиции. Исследуется сюжет, мотивы, образы, символика рассказа и предпринимается попытка выявления авторских концепции смерти и феномена воскрешения человека на данном материале.

Ключевые слова: творчество Леонида Николаевича Андреева, повесть «Елеазар», воскрешение, библейский сюжет.

The Paradox of the Resurrection of Eleazar (Based on the Story of L. N. Andreev “Eleazar”)

Denis V. Makarov

Doctor of Cultural Science

Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Denis V. “The Paradox of the Resurrection of Eleazar (Based on the Story of L. N. Andreev “Eleazar”)”. *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (8), 2023, pp. 90–115 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2023.8.1.007

Abstract. The purpose of the article is to consider the history of creation, literary and philosophical origins, the plot, the figurative and symbolic system of the story “Eleazar” by Leonid Nikolayevich Andreev and to identify the artistic features of the image of Eleazar, the author’s concept of person’s death in the gospel context on the material of this work. The basis of the research methodology is a systematic approach to the analysis of the poetics of a work of art in the context of the Orthodox cultural tradition. The plot, motives, images, symbolism of the story are investigated and an attempt is made to identify the author’s concepts of death and the phenomenon of the resurrection of a person on this material.

Keywords: L. N. Andreev oeuvre, the story “Eleazar”, resurrection, biblical story.

В научно-критической литературе рассказ «Елеазар» соотносят, прежде всего, с евангельским сюжетом о воскрешении Иисусом Христом Лазаря¹, с «Искушением святого Антония» Г. Флора в переводе Бориса Зайцева², с поэмой Дьеркса «Lazare»³ и с четвёртой главой четвёртой части романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Также рассказ тесно смыкается с книгой Екклесиаста, во-первых, отголосками скептицизма, во-вторых, обострённым поиском нравственной основы жизни.

К дополнительным, но наиболее близким по содержанию источникам можно отнести надпись на офорте любимого Андреевым Фр. Гойи под названием «Nada» (Ничто) из цикла «Бедствия войны»: «Самая близкая аналогия по сходству отыскивается между «Елеазаром» и одним из офортов «Бедствий войны» Ф. Гойи: 69-й офорт назван художником «Nada»: «Ничто». В автокомментарии читаем: «Мой призрак хочет сказать, что он совершил великое путешествие в иной мир, но ничего не нашёл там»⁴.

Из литературных предшественников — русских писателей XIX века, обращавшихся к теме воскресения (в том числе и метафорического) — наиболее близкими являются «Воскресение» Л. Н. Толстого (где вопрос воскресения перемещается в нравственно-философскую плоскость) и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, где Соня

- 1 См. комментарий к рассказу «Елеазар»: «Главным источником и стимулом в создании рассказа была Библия, всегда переживаемая писателем через призму современного и вечного, как и художественные произведения, отзывавшиеся на нее». См. *Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 5 / тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. М., 2012. С. 511. Также см.: *Кулова Т. Н.* Творческие искания Леонида Андреева // Критический реализм XX века и модернизм / ред.: Н. Н. Жегалов, А. С. Мясников, Р. М. Самарин. М., 1967;: *Иезуитова Л. А.* «Елеазар», библейский рассказ Л. Н. Андреева // Блоковский сборник XIII (Памяти В. И. Беззубова): Русская культура XX века: метрополия и диаспора / ред. А. Данилевский. Тарту, 1996.
- 2 С Борисом Зайцевым Леонид Андреев мог видаться осенью 1905 года в Москве. Знакомство Андреева с данным переводом в рукописи предполагал В. Н. Чуваков, однако письма Зайцева М. Горькому и Л. Н. Афонину показывают, что, скорее всего, это не так. См. Комментарии к рассказу «Елеазар»: *Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 5 / тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. М., 2012. С. 511.
- 3 *Волошин М. А.* Лики творчества: сборник / сост.: В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров; ред.: В. А. Мануйлов, Б. Ф. Егоров; авт. предисл. С. С. Наровчатова. Л., 1988. С. 450–456.
- 4 *Левина И. М.* Гойя. Л., 1958. С. 300. См. также: *Иезуитова Л. А.* «Елеазар», библейский рассказ Л. Н. Андреева. С. 56.

и Раскольников читают евангельский сюжет о воскресении Лазаря, который становится своеобразным ключом к пониманию смысла романа: «сюжет романа спроецирован на легенду о воскрешении Лазаря, а чтение самой легенды убийцей-революционером совместно с блудницей-святой стало эпицентром романа»⁵.

Своими философскими взглядами, в том числе и пониманием смерти, Андреев был обязан, прежде всего Шопенгауэру, Ницше и Гартману. Влияние Шопенгауэра писатель признавал сам: «Какая красота в этом стремительном потоке... все рвётся вперёд, разрушая, созидая и снова разрушая. Вперёд!.. Влияние книг прошло. Из всего остался один Шопенгауэр...»⁶. В разное время Андреев также испытывал влияние философии Гартмана и Ницше. Как отмечает исследователь творчества Андреева Л. Н. Афонин, «нельзя не видеть связи пессимистической системы З. Гартмана с Андреевскими произведениями»⁷. По мысли Гартмана, сознание человечества должно пройти три стадии «иллюзии»: блаженства личности, блаженство загробной жизни и коллективное благосостояние. После этого — уничтожение всего мира. О влиянии философии Ницше на современного человека у Андреева даже есть особый «Рассказ о Сергее Петровиче» (1900), в котором главного героя «больше всего поразила идея сверхчеловека и все то, что говорил Ницше о сильных, свободных и смелых духом», и он решает руководствоваться ницшеанским принципом: «Если жизнь не удаётся тебе, если ядовитый червь пожирает твоё сердце, знай, что удастся смерть»⁸. Выражение в творчестве Андреева идей Ницше было настолько ярким, что вызывало даже общественные дебаты, в частности, известная писательница, педагог и доктор философии Бернского университета, одна из инициаторов Философского общества при Петербургском университете (1897) — Мария Владимировна Безобразова — прочла в аудитории Исторического музея в Москве 16 февраля 1904 года лекцию по теме: «Ницше и Андреев»⁹.

5 *Иезутова Л. А.* «Елеазар», библейский рассказ Л. Н. Андреева. С. 46–47.

6 *Литературное наследство.* Т. 72: Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн. М., 1965. С. 218.

7 *Афонин Л. Н.* Леонид Андреев. Орёл, 1959. С. 26.

8 *Андреев Л. Н.* Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. / ред. кол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; вступ. статья А. Богданова; сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. В. Чувакова. М. 1990. С. 226, 235. URL: <https://rvb.ru/20vek/andreev-l/ss6/vol1/text/020.html> (дата обращения: 13.01.2023).

9 *Литературное наследство.* Т. 72: Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн. М.: Наука, 1965. С. 197.

Необходимо отметить, что рассказ вызвал достаточно широкую и в то же время острую полемику. О «Елеазаре» проходили беседы и диспуты, читались доклады и лекции. Подробнее с палитрой мнений можно ознакомиться в комментариях к рассказу в 5 томе 23-томного Полного собрания сочинений и писем Андреева.

Рассказ был написан в сентябре или августе 1906 года: «При первой публикации в журнале “Золотое руно” стояла дата “7 сентября 1906 года”. Ту же дату автор вписывает в вышеупомянутую рабочую тетрадь (позднейшая помета около записи “29. Елеазар”). Однако в ПССМ указана иная дата: “Август 1906 г.”»¹⁰.

Одним из первых откликнулся на публикацию Максимилиан Волошин, который предполагал, что «рассказ Леонида Андреева представляет развитие поэмы Дьеркса», и что «Леонид Андреев в своём «Елеазаре» хотел ответить на вызов Дьеркса: «Кто сможет поведать нам нечеловеческое страдание твоё, о ты, вышедший из могилы?»»¹¹. Поэма была написана Леоном Дьерксом (1838–1912) в 1867 году, а первый перевод на русский язык был сделан только в самом конце XIX века литературным критиком, публицистом и поэтическим переводчиком Евгением Дегенем (1866–1904), включившим данный текст в свою работу «Два парнасца», которая появилась в двенадцатом номере «Мира божьего» за 1899 год¹². Поэтому текст поэмы Дьеркса вполне мог быть знаком Леониду Андрееву. Помимо предположения, что рассказ Андреева представляет развитие поэмы Дьеркса и перечисления деталей внешнего сходства, Волошин отмечает и наиболее существенное различие: «Елеазар Дьеркса сохраняет туманную красоту поэтического символа: великую тоску поэта по вечным тайнам иного мира. Его Лазарь видел свет вечный, и его глаза больше не могли смотреть на этот мир. Однажды прозревший дух снова ослеп. Вот трагедия дьерксовского Лазаря... У андреевского Елеазара нет ничего этого. По ту сторону он ничего не видел, и ему нечего рассказать о тайнах иного мира, если бы он и мог говорить. Это просто труп, в котором приостановлен процесс разложения. Ужас андреевского рассказа зародился в анатомическом театре,

10 Андреев Л. Н. Рассказ о Сергее Петровиче // Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 5. / тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. М., 2012. С. 510.

11 Волошин М. А. «Елеазар», рассказ Леонида Андреева // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 450–456. (Лит. памятники). URL: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0180.shtml

12 См. примечания Л. А. Иезуитовой к очерку М. Волошина «Елеазар», рассказ Леонида Андреева: Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 735.

а не в трагедии человеческого духа. Чуда воскресенья, совершившееся над Елеазаром, является не радостным евангельским обетом, а какой-то диaboлической силой, которая труп вернула жизненную силу, но не могла вселить в него отлетевший дух»¹³. В итоге Волошин приходит к выводу не только и не столько о богоборчестве, сколько о богохульстве Андреева.

Необходимо также отметить в создании данного рассказа особую роль авторитета Максима Горького. Интересно, что за два с небольшим года до написания рассказа «Елеазар» — в мае 1904 года — Леонид Андреев получил письмо от Горького, в котором были такие слова: «...человек стоит между двух бездонных ям — рождение, смерть... он знает, что земля сможет упасть на солнце и превратиться в пар, вместе с ним... Вот ты и посмотри с этой трагической стороны, как однажды пытался посмотреть Екклесиаст, а потом ещё посмотри: тогда увидишь, что несмотря на знание будущей гибели... он все работает, «да, я погибну, я погибну бесследно, но прежде я построю храмы и создам великие творения...» И — поверь мне — настоящий человек, истинно свободный... всегда мужественно сознаёт конечность свою и всего окружающего»¹⁴. Возможно, что при создании рассказа Андреев прислушался именно к этому совету, тогда ещё глубоко почитаемого им Горького. В любом случае письмо друга должно было повлиять на него, а современным исследователям раскрыть один из штрихов его творческого замысла.

Сразу после написания рассказа сам Андреев в письме тому же Горькому отзывался о «Елеазаре» как о рассказе мрачном, «как клистирная трубка»¹⁵. Горький, однако, прочитав рассказ, восхищался: «Это, на мой взгляд, лучшее из всего, что было написано о смерти во всемирной литературе... Но как философия — это для меня неприемлемо»¹⁶. Странно, но Горький не разглядел главной нравственно-философской идеи рассказа, связанной с образом Августа — идеи, почти буквально выражающей его собственные слова из процитированного выше письма Андрееву в мае 1904 года: «Да, я погибну,... но прежде я построю храмы...» и т. д.

13 Волошин М. А. «Елеазар», рассказ Леонида Андреева // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 453

14 Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн. М., 1965. С. 214.

15 Там же. С. 274.

16 Там же. С. 280.

Вероятно, что из прижизненных критиков лучше других понял рассказ Иванов-Разумник. Он нашёл здесь утверждение ценности жизни самой по себе, вне идей религиозных или социальных: «Объективная бессмысленность жизни побеждается её субъективной осмысленностью»¹⁷. Таково, по мнению Иванова-Разумника, основное философское содержание сцены встречи императора Августа и Елеазара. Действительно, с точки зрения здравого смысла, любая жизнь бессмысленна — разум не приемлет смерти. И только индивидуально обрётённый смысл может оправдать жизнь, неумолимо текущую к смерти. Для Иванова-Разумника смерть — тоже последняя граница, за ней — ничто. Он, как и Андреев, стоит в сфере разума, который подсказывает два пути: либо разумное наслаждение, либо бескорыстное служение. Это — два древних учения, две школы: эпикурейская и стоическая. И это — дохристианское (или уже постхристианское, как, например, отчасти в экзистенциализме А. Камю и Ж.-П. Сартра) представление о мире.

И дело не только в хронологических рамках. Дохристианское представление о мире, как и языческое, может бытовать и через 2000 лет после рождения Христа, как это встречается и сегодня. Например, в библейских рассказах Андреева есть прямые ссылки на Христа, и даже в его повести «Иуда Искариот» Иисус — одно из действующих лиц, — но это Иисус, увиденный Андреевым художественно. И это вовсе не Иисус Евангелия — Сын Божий, а субъективное представление об Иисусе в сознании Андреева¹⁸.

Вообще, если сравнивать рассказы Андреева с библейскими первоисточниками, можно найти массу несоответствий, неточностей, прямых противоположений. Ибо Андреев не ставил себе цели иллюстрировать Библию, а использовал её сюжеты для решения своих задач. Так и рассказ «Елеазар» — не иллюстрация воскрешения Лазаря в доме Марфы и Марии, а философское размышление о смерти. Поэтому в рассказе и нет Христа, что, кстати, сильно интересовало Волошина и по отношению к Андрееву, и к Дьерксу: «И академично-трагический Лазарь Дьеркса, и карикатурно-чудовищный Елеазар Леонида Андреева несут в себе какое-то оскорбительное кощунство. Где же Христос? — хочется спросить и того и другого. Как бы ни смотреть на Евангелие от Иоанна, принимая его как книгу божественную или как гениальную мистическую

17 *Иванов-Разумник Р. В.* О смысле жизни. СПб., 1908. С. 155.

18 Так же и в ершалаимских главах романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова: Иешуа Га Ноцри — не Христос Библии, совершенно иной литературный персонаж, созданный фантазией мастера — автора «Романа о Пилате».

поэму, — образ воскресшего Лазаря для нас неразделен с чудом Христа. Для неверующего так же, как для верующего, в таком трактовании Лазаря кроется нечто оскорбительное»¹⁹.

В конце XX — начале XXI вв. библейская проза Андреева анализировалась А. А. Плешковым²⁰, Т. К. Гусевой²¹, Н. В. Пращерук²², Д. К. Фотиадис²³, А. А. Рубан²⁴ и другими. При этом особенно ценно, что исследования содержания библейской прозы предпринимались, как правило, в контексте христианской культурной традиции и собственно религиозной проблематики. Так, например, Дагмара Цесля в своей работе «Смерть в художественной концепции Л. Н. Андреева», сопоставляя сюжет рассказа с евангельской историей, так рисует мировоззрение автора: «никто не скроется от смерти и можно быть мёртвым ещё при жизни... Человек живёт и умирает одиноким и несчастливым... Андреев не верит тоже в покой после смерти. Там ничего нет, кроме Пустоты»²⁵. Другая исследовательница — Оливия Килияньска — отмечая, что «писатель использовал библейский мотив, чтобы подчеркнуть трагический аспект его (Елеазара — Д. М.) судьбы», который заключается в том, что «после трёх дней в могиле, воскресший герой похож более на животное, чем на человека»²⁶, делает печальный вывод: «В философии Андреева человек является никем по отношению к смерти, а его жизнь ничего не значит»²⁷. С. В. Зеленцова и Е. А. Михеичева справедливо утверждая,

19 Волошин М. А. «Елеазар», рассказ Леонида Андреева. С. 453

20 Плешков А. А. Тропами экзистенциализма: Леонид Андреев как философский писатель // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 109–120.

21 Гусева Т. К. Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева // Вестник Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2012. № 2. С. 18.

22 Пращерук Н. В. Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев // Диалоги классиков — диалоги с классикой: сб. науч. ст. Вып. 4: Эволюция форм художественного сознания. Екатеринбург, 2014. С. 99–110.

23 Фотиадис Д. К. Концепция личности в творчестве Л. Н. Андреева и М. А. Булгакова: художественный неомифологизм и проблема амбивалентности характера: дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2008.

24 Рубан А. А. Мифопоэтика и интертекст прозы Л. Андреева: дис. канд. филол. наук. Харьков, 2002.

25 Цесля Д. Смерть в художественной концепции Л. Н. Андреева // Художественный текст глазами молодых: материалы конференции. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 22 октября 2016 г. Ярославль, 2017. С. 73.

26 Килияньска О. Жизнь и смерть в художественной концепции Л. Н. Андреева // Художественный текст глазами молодых: материалы конференции. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 22 октября 2016 г. Ярославль, 2017. С. 75, 77.

27 Там же.

что «мотив поиска смысла жизни в рассказе связан... с фигурой Августа», делают вывод, в общем-то близкий к выводу Иванова-Разумника: «Тайна смерти, постигаемая через Елеазара, открывает прелесть и красоту жизни»²⁸.

Л. Г. Кинхей и Н. А. Ларина, подчёркивая мифологический, фольклорный смысл образа Елеазара, в частности, что его «взгляд получает способность убивать — не в прямом смысле слова», и «умерший кого-либо ещё «забирает с собой»», приходят тем не менее к пониманию проблематики смерти как социальной изоляции: «У Андреева совершенно отсутствует расхожий мотив понимания смерти как встречи со своими умершими родственниками: смерть мыслится как абсолютное прекращение коммуникации со всеми, живыми и мёртвыми»²⁹.

Значительным событием начала 2000-х гг. стала подготовка в ИМЛИ РАН научного издания Полного собрания сочинений и писем Андреева, в пятом томе которого комментировались библейско-евангельские рассказы писателя. Издание начало выходить в 2007 г. и продолжается по настоящее время. Это первое и единственное научное собрание сочинений Леонида Андреева, снабжённое научным комментарием, включающее не только основной корпус его текстов, но и другие редакции и варианты произведений, а также не опубликованные ранее материалы. Издание полностью раскрывает творчество писателя, в том числе достаточное внимание уделено христианской тематике его произведений. Рассказ «Елеазар» с комментариями издан в пятом томе, поэтому текст повести приводится по данному изданию³⁰.

Обратимся к анализу образа Елеазара. Его воскрешает некий Учитель: «До смерти своей Елеазар был постоянно весел и беззаботен, любил смех и безобидную шутку. За эту приятную и ровную весёлость... и возлюбил его Учитель»³¹. Что это за Учитель, — больше нигде не поясняется.

28 *Зеленцова С. В.; Михеичева Е. А.* Преодоление смерти: литературный эксперимент Л. Н. Андреева и Х. Л. Борхеса // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 215. 2017. С. 118, 121.

29 *Кинхей Л. Г., Ларина Н. А.* Модели «посмертного существования» в новеллистике Леонида Андреева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2018. №1. С. 37, 39–40.

30 *Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 5 / тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. М., 2012. Далее рассказ цитируется по этому изданию с указанием названия рассказа и страницы.

31 *Андреев Л. Н.* Елеазар. С. 8.

Естественно, возникает ассоциация со Христом. Но прямых, и даже косвенных указаний на это больше нет.

Образ Елеазара у Андреева, хотя и указывает на евангельского Лазаря, воскрешённого Христом, но все же не имеет его своим историческим прототипом. О праведном Лазаре известно, что после воскресения он активно проповедовал Христа и стал епископом на Кипре, где до сего дня хранятся его святые мощи: «После воскресения святой Лазарь жил ещё 30 лет, епископствовал на острове Кипр, где распространял христианство, и там же мирно почил...»³². Можно предположить, что писатель отчасти сопоставляет Елеазара не столько с Лазарем, сколько с самим Христом. И делает это для того, чтобы утвердить своё понимание смерти, вопреки евангельскому.

Следует согласиться с Волошиным, что полемика со Христом у Андреева носит кощунственный характер и состоит не в прямом изображении Иисуса, а в косвенном соотнесении Его образа с образом Елеазара. Так про Христа в притче о десяти девах метафорически говорится, как о женихе Церкви (и каждой человеческой души): «Се жених грядет» (Мф. 25, 6). Елеазара же сразу после воскресения обряжают в одежды жениха. Так Андреев в художественном мире рассказа совершает подмену: вместо настоящего жениха — Христа, о котором, судя по временному контексту повести, уже должны были знать, навязывает людям иного жениха — Елеазара, соединение с которым приносит не вечную жизнь, а вечную смерть. И если Христос — «свет человек» (Ин. 1, 4), то Елеазар — это полная тьма. Иисус Христос приносит людям надежду на воскресение, любовь, спасение души и счастье пребывания в Духе Святом, а Елеазар — скепсис, пессимизм, отчаяние, духовную смерть. Иисус Христос обращается к духовному началу в человеке и совершает спасение через добровольное страдание — Крестную Жертву, чем вызывает любовь к Богу и ближнему. Елеазар обращён к физиологическому началу и утверждает гибель через муку, вызывает ужас перед небытием.

Воскрешение Елеазара происходит «чудесной властью»³³. Какой природы эта власть, тоже не указывается. Если же допустить, что Елеазар всё же библейский Лазарь, а воскресивший его — Христос, то получится, что Андреев претендует на корректировку церковного предания и показывает как бы «подлинную» историю жизни Лазаря после воскресения из мёртвых. Тогда перед нами уже вполне откровенное

32 Жизнь и труды апостолов. Киев, 2012. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-lazar-chetverodnevnyj>

33 Андреев Л. Н. Елеазар. С. 7.

анти-жизне и анти-евангелие, отрицающее смысл воскресения, разоблачающее Христа как своевольного фокусника, чьи чудеса, как будто не имеют смысла. В евангельском повествовании смысл воскресения Лазаря — показать, что жизнь — это «болезнь не к смерти» (Ин. 11, 4) и явить милость Божию, чтобы все уверовали. В воскресении Елеазара нет ни того, ни другого. Нет вокруг него ни одного уверовавшего, и, наоборот, он сам утверждает, вопреки Христу, что жизнь — это именно «болезнь к смерти», что «Там»³⁴ — за её порогом — холодная пустота, неотвратно ужасное, «непостижимое»³⁵. По сути, это даже не представление дохристианского, древнего, человека — язычника, постоянно испытывающего мистический страх перед предками, духами, загробным хаосом. Это так же не представление, присущее ветхозаветному сознанию с его мрачным, похожим на Аид, Шеолом, где нет ни воздаяния, ни справедливости, ни возможности обращаться к Богу и воздавать Ему хвалу, пребывание в котором все равно, что пребывание в мире кошмарного сна. Это представление, с одной стороны, ещё более древнее, отсылающего человека к «Ничто» — т. е. состоянию мира до начала его сотворения Богом-Творцом, с другой стороны, представление новейшее, порождённое материализмом и атеизмом: материализмом, для которого сознание (и личность) — только свойство высокоорганизованной материи, и с разрушением тела они исчезают бесследно; атеизмом, для которого — по концепции Ф. Ницше — «Бог умер» или — по эволюционной гипотезе — Его вообще никогда не существовало.

Примечательно, что для дохристианского сознания нет ещё спасения души ни в этой жизни, ни после смерти, нет рая. Царство мёртвых едино для грешников и для праведников. И это Аид, Шеол, то есть только Ад. Рай ещё был затворён для людей, потому что ещё не была принесена Крестная Жертва и ещё не воскрес Христос.

А для постхристианского сознания спасения уже нет, потому что «Бог умер»: «Безумец со страниц книги Ницше объявляет ничего не понимающим людям, что Бога больше нельзя обрести, ибо Он — умер. «Где Бог?! — воскликнул он. — Я хочу сказать вам это! Мы его убили — вы и я! Мы все его убийцы!»»³⁶. Следовательно — в рамках концепции смерти Бога³⁷ — вообще больше нет никакого воздаяния ни на небе,

34 Там же. С. 8, 10.

35 Там же. С. 10.

36 *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 592.

37 См., например: Безрелигиозное христианство // Православная энциклопедия. Т. 4. С. 447. URL: https://www.pravenc.ru/text/77816.html#part_2

ни на земле, нет и Промысла Божьего, поддерживающего бытие мира, нет Духа Божьего одухотворяющего материю (бездну) и приобщающую её к вечной жизни. В результате мир (вселенная, материя, природа) начинает рассыпаться и разлагаться — возвращаясь к своему изначальному состоянию — «Ничто». И Андреев очень тонко это уловил своим художественным чутьём и выразил в образе Елеазара.

Поэтому (если рассматривать рассказ, с одной стороны, в христианском контексте, а с другой — в контексте концепции «смерти Бога») Елеазар воскрешён не Христом и не во имя Христа, а совершенно бесполезно по чьей-то неразумной воле. Его воскрешение есть «неумное чудо»³⁸, то самое, которого требует герой рассказа «Жизнь Василия Фивейского» о Василии Фивейский, когда кричит: «Да говори же ты, проклятое мясо»³⁹. И у Елеазара только и воскресает, что это самое «проклятое мясо», внешняя оболочка, скорлупа, уже потрескавшаяся, но «чудесной властью»⁴⁰ склеенная, в которой за время смерти, тёмное страшное начало пожрало все, что было светлого, освещающего жизнь изнутри. О. Василий Фивейский хочет, чтобы воскресло «мясо», хочет воскресения бессмысленного, которое не во славу Божию, а простое насилие над трупом, над плотью, которую воскрешают одну, без духа. Таким образом попытка воскресения мёртвого, начатая одним героем в «Жизни Василия Фивейского», успешно совершается другим в «Елеазаре».

Исходя из этого, можно предположить, что в контексте художественного мира Андреева, в его эстетическом сознании Елеазара воскресил не кто иной, как Василий Фивейский — по своему желанию: по человеческому, а не божественному разумению. И Елеазар, в каком-то смысле есть воскресший Мосягин. В этом глубинном внутреннем содержании протягивается между двумя рассказами хорошо различимая связующая их нить: воскрешение Елеазара есть чудо, произошедшее на могиле анти-святого — отца Василия Фивейского из анти-жития, поэтому есть анти-чудо, цель которого не утверждение вечной жизни и спасения, а утверждение вечной смерти и гибели. Это чёрное чудо, оно равно не воскрешению, а убийству.

Холодно такому воскрешённому. Холод у него в душе — пустом храме без огня. Поэтому и идёт он вслед за солнцем, не хочет, чтобы

38 *Мережковский Д. С.* В тихом омуте. М., 1991. С. 21.

39 *Андреев Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского // *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. / редкол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; вступ. статья А. Богданова; сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. В. Чувакова. М., 1990. С. 553.

40 *Андреев Л. Н.* Елеазар. С. 7.

оно уходило — страшно оставаться одному в пустыне холодной ночи, не имея огня внутри себя. Надеется он, что это физическое солнце, может быть, согреет его и изнутри, так же, как и о. Василий надеялся, что одно физическое воскресение может иметь какой-то смысл. Елеазар преследует солнце и падает в изнеможении, как и о. Василий в последние мгновения своей жизни бросается вслед за уходящим солнцем и погибает в стремительном беге, не успевая за ним.

Холод и пустота в душе Елеазара ещё и потому, что он воскрешён во время «затмения»⁴¹ отцом Василием. В нем воскрес не дух, а плоть, когда огонь духовный был скрыт. И нет в нем этого огня. Внутри его — тьма, пустота, холод смерти. Потому так ужасен и страшен взгляд его, в котором ночь мировая, ночь без Бога, света и любви. И он вынужден идти за солнцем, как и тот, кто воскресил его во мраке духовном. Воскрешённый во мраке, как зачатый в безумии Вася-идиот из «Жизни Василия Фивейского», Елеазар во мрак и сойдёт. О. Василий Фивейский не вышел из мрака, а утратил свет во время затмения. Но он ещё знал, зачем и куда бежит. А Елеазар уже не знает, ибо умер тот, кто поднял его из гроба (о. Василий Фивейский). Это ещё одно аргумент в пользу того, что не Христос совершает это чудо. Елеазар только чувствует что-то неясное, влекущее его к небесному огню: «А когда багрово-красный, расплющенный шар опускался к земле, Елеазар уходил в пустыню и шёл прямо на солнце, как будто стремился настигнуть его»⁴².

Все покидают Елеазара, он остаётся один. Со всех сторон стекаются к нему смельчаки, чтобы испытать себя — взглянуть в его страшные глаза. Вот как действовал взгляд Елеазара: «Не переставало светить солнце, когда он смотрел, не переставало звучать фонтан, ...но человек, подпавший под его загадочный взор, уже не чувствовал солнца, уже не слышал фонтана... Иногда человек плакал горько; иногда в отчаянии рвал волосы на голове..., но чаще случалось так, что равнодушно и спокойно он начинал умирать и умирал долгими годами...»⁴³. И жители города говорили: «Вот идёт безумец, на которого посмотрел Елеазар»⁴⁴. И те, кто хотели ещё говорить, говорили, что «не стало времени, и сблизилось начало каждой вещи с концом её: ...ещё только рождался человек, а над головою его зажигались погребальные свечи... и объятый пустотою и мраком, безнадежно трепетал человек перед ужасом

41 См.: Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 553–554.

42 Андреев Л. Н. Елеазар. С. 11.

43 Там же. С. 9.

44 Там же. С. 12.

бесконечного»⁴⁵. Перед ужасом неотвратимой смерти беспомощен дохристианский (и постхристианский) человек. Ему не остаётся ничего, кроме отчаяния и страха. Такое отчаяние, пессимистическое состояние духа людей, заглянувших в бездну глаз Елеазара, сближается с состоянием духа автора библейской «Книги Екклесиаста». И сам андреевский рассказ по своему содержанию чрезвычайно близок этой книге.

«Всё — суета и томление духа» (Еккл. 1, 14) и богатство, и слава — всё бессмысленно, потому что все смертны и нет спасения. Неизвестно, что за гробом. Поэтому «псу живому лучше, нежели мёртвому льву» (Еккл. 3, 4). Жизнь бессмысленна — вот что прежде всего утверждает Екклесиаст. Исходя из этой установки, он пытается все же найти какой-то выход, какую-то человеческую основу, благодаря которой ещё можно жить.

Горький писал Андрееву: «Вот и посмотри с этой трагической стороны, как однажды пытался посмотреть Екклесиаст...»⁴⁶. Андреев в рассказе «Елеазар» как раз и попытался взглянуть на смысл человеческой жизни с точки зрения Екклесиаста, начиная свои поиски с утверждения бессмысленности жизни, неизбежности смерти. Андреев пытается противопоставить «ужасному» созидательную силу искусства, бездумную радость пьянства, счастье взаимной любви, гордую мудрость, — но ничто не может противостоять разрушительному и непостижимому «Там»⁴⁷.

Великий скульптор Аврелий после встречи с Елеазаром стал задумчив и молчалив, создал «нечто чудовищное, не имевшее в себе ни одной из знакомых глазу Форм... На тоненькой, кривой веточке... лежала слепая, безобразная, раскоряченная грудка чего-то ввёрнутого внутрь... И случайно, под одним из дико кричащих выступов, заметили дивно изваянную бабочку...»⁴⁸. Это было безобразно. Красота погибла, искусство умерло от взгляда Елеазара. Только одна бабочка, самое хрупкое существо (воплощение гармонии и симметрии, но, с другой стороны, символ смерти) чудом осталась цела.

Весёлый пьяница «на всю жизнь остался пьяным», встретившись с Елеазаром. «Но вместо радостных грёз, что даёт вино, страшные сны

45 Там же. С. 13.

46 Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн. М., 1965. С. 214.

47 Андреев Л. Н. Елеазар. С. 10.

48 Там же. С. 16.

осенили несчастную голову его»⁴⁹. Юноша и девушка, «которые любили друг друга и были прекрасны в своей любви»⁵⁰, почувствовали себя рабами «и безответными слугами грозно молчащего Ничто»⁵¹. Гордый мудрец почувствовал, «что мудрость и глупость одинаково равны перед лицом Бесконечного»⁵², и не мог больше думать. «Так погибало под равнодушным взором чудесно воскресшего все, что служит к утверждению жизни, смысла и радостей её»⁵³.

Так же, как и Екклесиаст, Андреев не нашёл прочной основы, силы способной сопротивляться смерти ни в искусстве, ни в веселье, ни в земной любви, ни в мудрости. Но вот Елеазар встречается с великим, божественным Августом⁵⁴. Надо сказать, что у Августа и Екклесиаста есть много общего: оба они были царями, имели богатство, славу, мудрость, были мужественными людьми, испытали и имели все, что может испытать и иметь человек на земле.

Взглянул на Августа Елеазар, «и чьи-то тупые, холодные когти коснулись сердца и вяло погрузились в него... Вот двумя тенями вошли необъятная пустота и мрак и погасили солнце⁵⁵; у ног отняли землю, и кровлю отняли у головы...»⁵⁶ Остановилось время...

— Убил ты меня, Елеазар, — сказал он тускло и вяло. И эти слова безнадёжности спасли его. Он вспомнил о народе, щитом которого он призван быть, и острой, спасительной болью пронизалось его омертвевшее сердце... И так размышляя и чувствуя, склоняя весы то на сторону жизни, то на сторону смерти, он медленно вернулся к жизни, чтобы в страданиях и радости её найти защиту против мрака пустоты и ужаса бесконечного»⁵⁷.

Отметим, «в страданиях», а не в муках, «в радости», а не в веселье, то есть в высоком, просветляющем человека состоянии. Как указывал философ Иван Ильин, путь спасения человека идёт «от страдания

49 Там же. С. 18.

50 Там же. С. 18.

51 Там же. С. 18.

52 Там же. С. 19.

53 Там же. С. 19.

54 Видимо, имеется в виду римский император Октавиан Август. Годы правления: 23 г. до н. э. — 14 г. н. э. Характерное для Андреева несоответствие, так как воскрешение Лазаря произошло не ранее 30-го года, при императоре Тиберии.

55 Снова происходит затмение в душе человека.

56 Этими словами, как и в рассказе «Жизнь Василия Фивейского», создается образ тела-дома-храма.

57 Андреев Л. Н. Елеазар. С. 22.

через очищение к духовной радости»⁵⁸ — через смерть к жизни. А это означает, что Август, не сознавая этого, вступил на путь христианской любви. Что позволило Августу вернуться к жизни и не сдаться перед «Ничто»? Ответ однозначен: открывшаяся в нем любовь к людям, к своим ближним.

«"Обречённые на гибель", — с тоской подумал он»⁵⁹. С тоской. Здесь звучит жалость к обреченным людям, и это не есть спасение. Жалость бессильна, она жалеет то, что погибает, тленное и ничем не может помочь. «"Светлые тени во мраке бесконечного", — с ужасом подумал он».⁶⁰ С ужасом. Здесь звучит страх за себя и людей. А страх может только подавить человека, только парализовать его. Он не есть ещё спасение. «Хрупкие сосуды с живой волнующей кровью, с сердцем, знающим скорбь и великую радость, — с нежностью подумал он»⁶¹. С нежностью. Чувствуется, что здесь звучит уже любовь, скорбящая, страдающая, радующаяся, способная вывести человека из тьмы к просветлению. Любовь к «хрупким сосудам» — людям, о которых Август должен заботиться, делать им добро. Именно через любовь Андреев утверждает добро как высшую нравственную ценность человеческой жизни. Только любовь к людям и стремление к добру могут противостоять наступающей со всех сторон «стене» — тёмной бездне древнего хаоса внутри нас и неумолимому серпу времени во внешнем мире. Таким образом, хотя Андреев сознательно полемизирует с христианством и Евангелием, но бессознательно, как художник в своем творческом акте он приходит к чисто христианским выводам о любви и добре. Это ещё раз показывает, что борется он не с Богом (Которого на самом деле не знает), а только со своим собственным неправильным представлением о Нём. Поэтому его герои-христиане (например, Марфа и Мария — сестры Елеазара) ничего не могут противопоставить мертвящему взгляду Елеазара и поступают не по-христиански — оставляют Елеазара, а герой-язычник — император Август побеждает смерть любовью к людям.

Книга Екклесиаста тоже заканчивается призывом: «делай добро», ибо это есть истинно человеческое: «Кто я, если я только для себя»⁶²? Причём идея добра не несёт в себе идеи посмертного воздая-

58 *Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики. М., 1991. С. 191.

59 *Андреев Л. Н.* Елеазар. С. 22.

60 Там же. С. 22.

61 Там же. С. 22.

62 *Рижский М. С.* Библейские вольнодумцы. М., 1992. С. 232.

ния ни у Андреева, ни у Екклессиаста. Вследствие чего призыв к добру и нравственности без воздаяния носит черты трагического гуманизма.

Ответом Екклессиасту в мировой истории был воскресший Христос, протянувший руку спасения от Бога к человеку, выведший праведников из Ада, лишивший людей главного из страхов — страха смерти. В повести Андреева до встречи с Елеазаром и вызванного этим потрясения Август нелестно отзывается о христианах: «Я не люблю христиан. Они трясут дерево жизни, не дав ему покрыться плодами...»⁶³. Интересно, как он поведёт себя теперь, испытав ужас, жалость, страх и любовь? Но самому Андрееву его ложные представления о христианстве (как известно, во многом возникшие под влиянием Толстого, связывавшиеся в сознании Андреева со словами «непротивление» и «оптимизм») мешали увидеть подлинное значение воскресения Христа и Лазаря, как одному его герою зубная боль помешала увидеть распятие Христа («Бен Товит»).

Более всего Андреев ценит разум и выдвигает на первый план ценности нравственного порядка, необходимые для общежития людей. Он даже одно время предлагает утвердить специальные обряды для неверующих, ввести нормы поведения, то есть нравственный закон: «Я индивидуалист, ладно — но, вот как раз теперь я обдумываю для сочинения (а задумал много лет назад) некоторые внецерковные обряды для неверующих: при рождении, при вступлении в брак, при смерти и похоронах. И в этих моих обрядах главную роль выполняет народ»⁶⁴. В этом он подходил к идее нравственности без Бога, разрабатываемой впоследствии многими представителями атеистического мировоззрения: от идеологов коммунизма до французских экзистенциалистов.

Наблюдая и изображая жизнь и смерть, Андреев в статье «Дикая утка» (1901)⁶⁵ (после просмотра одноимённой драмы Генрика Ибсена) пишет: «Победит то, что находится в союзе с жизнью; то, что укрепляет её корни... Все вредное для нее рано или поздно гибнет фатально, неотвратимо. Пусть сегодня оно стоит несокрушимой стеной, о которую в бесплодной борьбе разбиваются лбы благороднейших людей, — завтра оно

63 Андреев Л. Н. Елеазар. С. 21.

64 Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн. М., 1965. С. 214, 324–325.

65 Впервые статья была опубликована в газете «Курьер». 1901 год. № 270, 30 сентября (Москва. Мелочи жизни). URL: <http://andreev.lit-info.ru/andreev/articles/andreev/dikaya-utka.htm>; «Дикая утка» – драма в пяти действиях Генрика Ибсена. Премьера пьесы в МХТ состоялась 19 сентября 1901 г. Режиссеры К. С. Станиславский и А. А. Санин.

падёт. Падёт, ибо оно вздумало задержать самую жизнь»⁶⁶. И через пять лет Андреев не устаёт показывать, как фатально умирает, гибнет всё, вредное для жизни, как проваливается оно в «бездну». Жизнь не исчезает, не прекращается, но исчезает из жизни, умирает герой Андреева, олицетворяющий или вбирающий в себя частицу мирового зла.

Во всех основных мировоззренческих произведениях Андреева герой умирает. Перед читателем — галерея смертей: от «маленького человека» и ницшеанца Сергея Петровича («Рассказ о Сергее Петровиче» (1900)) до пришедшего из иного мира Сатаны («Дневник Сатаны» (1918–1919)). В большинстве случаев физическая смерть героя совпадает с духовной, является следствием того, что человек ослеп и заблудился на пути своих духовных исканий. И смерть такого «вредного» для жизни героя окончательна. В этом случае смерть не есть новое рождение, а уход в небытие. Сергей Петрович («Рассказ о Сергее Петровиче»), Немовецкий, отец Василий Фивейский («Жизнь Василия Фивейского»), Человек («Жизнь человека»), — умирают окончательно, уходят в небытие. Исключительность Елеазара в том, что он погружается в небытие на три дня и каким-то чудом восстаёт из него.

Как уже было сказано выше, несмотря ни на что, «главным источником и стимулом в создании рассказа была Библия»⁶⁷, поэтому существует прямая параллель между воскрешением Елеазара и воскрешением Лазаря Иисусом Христом. Если сравнить воскрешение Лазаря и Елеазара, то можно увидеть, что Христос воскрешает Лазаря к новой жизни: воскрешает и духовно и телесно. Прежде всего, надо понимать духовный, а не только физический аспект воскресения. «Какой толк для Лазаря быть воскрешённым, если ему предстоит в конце концов умереть!»⁶⁸. Нет никакого толка. Лазарь воскрес и физически и духовно. Духовно прежде всего. Он прозрел жизнь вечную и восстал из праха. Иначе ему бы незачем было воскресать. Если бы он воскрес физически, без духовного воскресения, то был бы зомби — живой мертвец.

Елеазар же воскресает только плотью, дух его умер безвозвратно. Он именно и есть зомби — живой мертвец. Но живой тоже условно. Ведь даже плоть его не оживает до конца, и всегда он носит на себе

66 Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. СПб., 1913. С. 204.

67 Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 5. / тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. М., 2012. С. 511.

68 Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения / редкол.: А. А. Гусейнов и др. М., 1990. С. 366.

пятна смерти — это «проклятое мясо», которое уже не может говорить, не может вернуться к жизни, а может только механически передвигаться, равнодушное, словно камень. И как идёт за уходящим солнцем Елеазар, не успевая прогреться и не осознавая своей тяги к свету, так бы шли, наверное, за солнцем и камни, если бы могли ходить. Он жуток от того, что он не человек, ибо нет в нем того субстанционального «огня» человеческого, от которого рождаются мысли, чувства, слова... Он и не животное, ибо нет в нем и «воздуха» — ритмичного дыхания жизни, стремления к её продолжению, выживанию. В чем-то он похож на растение, но все равно нет в нем той «воды», которая движет, бурлит и дает жизнь растению, а главное — нет в нем роста. Если он и растение, то засохшее, если животное или человек, то чисто механически. Он — только форма, пустая человеческая форма без своего главного огненного содержания. Мрак и холод могилы погасили этот внутренний человеческий огонь, который только и делает человека человеком. Без него человек, как животное. Но могила погасила и инстинкт, а без него животное, словно растение. Но могила погасила ещё и волю к жизни, без которой растение, словно камень, мертво. Елеазар именно и есть камень, камень с ногами.

Очень большое значение в художественном творчестве писателя играет образ камня. Например, герой пьесы «Анатэма» (1910) Анатэма целует камни, другого героя — Давида — побивают камнями, Елеазар воскресает живым камнем, а не человеком, а Иуда Искариот (из одноимённой повести «Иуда Искариот» (1907)), склоняясь на сторону смерти, тоже постепенно окаменевают. Камень в художественной системе Андреева играет большую роль, он символизирует смерть, неживое состояние природы, рассматриваемый в евангельском контексте, вызывает дополнительную ассоциацию с первым искушением Иисуса Христа в пустыне.

Поэтому камень-Елеазар есть торжество победы камня над человеком, и всей живой природой, торжество победы мёртвого над живым, смерти над жизнью. Август говорит Елеазару: «Слыхал я, что голова твоя подобна голове медузы и превращает в камень каждого, на кого ты взглянешь»⁶⁹. В продолжающейся борьбе живого и неживого Елеазар встаёт, словно стена, на пути человека. Та самая стена из одноимённого рассказа Леонида Андреева будто бы вворачивается вовнутрь Елеазара, в его пустые глаза. Каменная, физически осязаемая стена, вдруг

69 Андреев Л. Н. Елеазар. С. 20.

оказывается чёрной бездонной пустотой, неопределимой и ещё более страшной. Ибо гораздо сложнее сопротивляться невидимому врагу. А враг этот — зияющая пустота, небытие. В рассказе «Стена» (1901) она была неживая, каменная. И Елеазар — каменный, неживой. И если стена не наводила трепета на людей, а позволяла им ещё веселиться и танцевать «*Makabr*» у её подножия (в рассказе «Стена»), то взгляд Елеазара — взгляд небытия, взгляд самой смерти — полностью лишает человека всяких надежд и сил. Елеазар — стена с глазами — смертоносный камень, как какой-нибудь Плутоний. Радиация и гибель исходят от него для людей — это ещё одна победа камня. Поэтому такое воскрешение Елеазара не есть воскрешение, а, наоборот, ещё большее его умерщвление.

Примечательно, что современные исследователи темы воскрешения в творчестве Леонида Андреева⁷⁰ и в жанре зомби-апокалипсиса⁷¹, подводя философскую базу, апеллируют к «Философии общего дела»⁷² Николая Федоровича Фёдорова, влияние которого на русскую литературу XX века, конечно, заслуживает отдельного исследования. Однако, влияние философии Н. Ф. Фёдорова на творчество Л. Андреева, в частности, федоровской идеи всеобщего воскресения предков, которое должно в будущем совершить человечество, на рассказ «Елеазар» пока неизвестно. Н. Ф. Фёдоров при жизни не печатал своих трудов, а первое издание, которое не было предназначено для продажи, вышло только через несколько лет после его смерти — в 1906 году, т. е. как раз в то время, когда Андреев работал над «Елеазаром». В наиболее показательной с точки зрения духовных исканий Андреева переписке с Горьким (с 1909 по 1917 год) ни сам Фёдоров, ни его учение ни разу не упоминается. Однако, это совсем не отменяет необходимость отдельного исследования соотношения «Философии общего дела» и художественной концепции воскрешения человека у Андреева.

Несомненно, что концепция воскресения у Андреева связана с концепцией смерти. А смерть у Андреева имеет три основные разновидности, окрашенные в три цвета: белая, серая и чёрная смерть. Возможно

70 Михеевича Е. А. Мотив воскрешения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. №1. С. 68–79.

71 Крылова М. Н. Современный отечественный зомби-апокалипсис: штрихи к портрету нового литературного жанра // Филология и человек. 2018. №2. С. 65–75.

72 См.: Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Николая Фёдоровича Фёдорова / ред. В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон. Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913. См. также: Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2 т. М., 2003; Фёдоров Н. Ф. Сочинения: в 4 кн. М., 1995–2005.

предположить, что писатель соотносит их с тремя уровнями бытия из Откровения Иоанна Богослова: горячее — тёплое — холодное: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15–16).

Первая — светлая смерть — это обретение светлого радостного бессмертия в любви, в «горячем» состоянии — «бессмертии огня». Это смерть любящего людей Давида Лейзера («Анатэма»), лётчика Пушкирева («Полёт»). Здесь смерть радостна и светла. Герой ждёт её, знает, что она не властна над его внутренним святым огнём, что она сама — огонь и любовь.

Вторая — серая смерть — это обращение в камень, когда гаснет огонь, когда человек — «проклятое мясо», когда он погибает, когда он уходит не в бессмертие, а в небытие. Так умирают Василий Фивейский, Человек («Жизнь Человека»), Елеазар.

Третья — чёрная смерть — это бессмертие в отчаянии и ненависти, вечная смерть. Ею умирают демонические герои — Анатэма, Сатана. Проходя через чёрную смерть, сгорает любовь, и остаётся только ненависть, презрение и злоба.

Иными словами, кто горяч, в ком есть внутренний небесный огонь, тот умирает светлой смертью и достигает «бессмертия и живёт бессмертно в бессмертии света, которое есть жизнь»⁷³. Кто холоден, в ком вместо духовного огня любви презрение и ненависть, тот умирает чёрной смертью, и бессмертной становится его ненависть. И тот, кто тёпл (не горяч и не холоден), тот не обретает ни вечной любви, ни вечной ненависти, он умирает серой смертью, которая отнимает у него все: и любовь и ненависть, и свет и тьму. Удел такого серого человека — небытие — он умирает насовсем. Вследствие этого у него нет ни надежды, ни смысла в жизни. Он пытается обмануть себя, забыться на время от надвигающегося на него небытия, но не может этого сделать и трепещет, отчаивается, безумствует, проклинает жизнь, но не может дойти в своем отвержении до демонической разрушительной силы. Он отпадает от Бога, но не пристаёт и к дьяволу, остаётся сер и никому не нужен.

Исследователями было неоднократно отмечено, что Андреев — художник внутреннего, духовного опыта и что свою собственную душу он воспринимает как отражение всей вселенной. Душа же эта

73 Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Рассказы 1898–1903 гг. / редкол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; вступ. статья А. Богданова; сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. В. Чувакова. М., 1990. С. 467.

живёт в храме тела. А так как микрокосм соответствует макрокосму, внутреннее соответствует внешнему, то и внешний мир (макрোকосм) Андреев представляет, может быть не всегда давая себе отчёт в этом, как единое огромное тело. Так он пишет Голоушеву: «И вся моя суть в том, что я не принимаю мира, каким мне дали его наставники и учителя, а беспокойнейшим образом ставлю ему вопросы, расковыриваю, раскапываю, перевёртываю, перелицовываю, заглядываю ему не только с указанных мест... И ликом мира я восторгаюсь, а от ... его ... отворачиваюсь — вот и вся моя нехитрая механика»⁷⁴. Конечно, это метафора, но в ней есть нечто большее, чем просто сравнение. Андреев уподобляет мир телу человеческому, почти так же, как А. Шлейхер считает язык природным организмом. Лингвистическую концепцию А. Шлейхера называют поэтому лингвистическим натурализмом⁷⁵ или биологизмом. У Андреева также находили черты натурализма и биологизма⁷⁶, но критики обосновывали их на изображении превращения человека в скота («Тьма», «Навуходносор»). Однако, когда в авторском сознании весь мир уподобляется человеческому телу, то это уже иной уровень биологизма, это не изображение биологических подробностей человеческой жизни, а один из художественных принципов, лежащий в основе творческого акта писателя (так же, как по мнению Н. В. Гоголя, и народность, которая, как известно, состоит не только в описании сарафана⁷⁷). Итак, Андреев смотрит на мир как на единый организм, во многом аналогичный человеческому. И ликом его, то есть приличными, красивыми его частями, он восторгается, а от потаённых и неблагообразных приходит в ужас и отворачивается. Но, прежде чем отвернуться, он успевает очень многое заметить своим любознательным взглядом. Так он создаёт образ вселенского тела мира. И как творец этого мира художник сам одновременно находится и снаружи и внутри него.

При таком физиологическом представлении о мире авторская концепция трёх смертей приобретает новый оттенок. Смерть есть выход из этого мира, а, значит, и из мирового тела. Душа может выйти из тела

74 Реквием. Сборник Памяти Леонида Андреева / под ред. Д. Л. Андреева, В. Е. Беклемишевой; предисл. В. И. Невского. М., 1930. С. 132.

75 Кодохов В. И. Общее языкознание. М., 1974. С. 30.

76 Балабанова Н. Горький о правде факта и правде жизни // Творческий метод. М., 1930. С. 291.

77 Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8: Критические и публицистические статьи (1831–1836, 1845–1850). Л., 1952. С. 434.

словом, проходящим через уста и исходящим из сердца⁷⁸. Чем наполнено сердце, таково и слово: либо светлое слово любви, либо чёрное слово ненависти. Но есть и другой образ выхода из уст тела — отвержение: «Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих» (Откр. 3, 15–16). Елеазар — как раз и есть символ такой «серой» смерти, суть которой — погружение в небытие.

Такой смертью умирают у Андреева также те, кто падают в бездну своих плотских инстинктов и разлагаются в желудке тела, и те, кто поддаётся искушениям разума не позволяющего стать ни горячим ни холодным, ни подняться до любви, ни упасть до ненависти. Они извергаются из мирового тела. Погибают и те, кто пытаются напитать себя и других только материальной пищей, то есть превращают камень в хлеб.

Как утверждает христианское учение, «человек находится либо в бесконечном процессе жизни и возрастания, либо — в бесконечном процессе распада и смерти...»⁷⁹. Третьего не дано. Перед каждым человеком два пути: жизни и смерти. И речь, прежде всего, идёт о духовных категориях: духовной жизни и смерти. Андреев в силу своих мировоззренческо-эстетических особенностей, прежде всего, пишет, о борьбе этих духовных категорий в душе человека.

Парадокс воскресения его героя — Елеазара — заключается в том, что он жив чисто формально, только как пустая форма, как бессмысленное «мясо», а душа его — мертва. В духовном смысле он мёртвый, только внешне имеющий облик живого человека. Тем самым Андреев, может быть и не желая того, апофатически утверждает, что жизнь не сводится только к биологическим процессам. Что телесно живой человек без внутреннего одухотворяющего и просветляющего духовного огня не есть живой человек в полном смысле слова, он находится не в процессе жизни и возрастания, а в процессе распада и смерти.

Всем строем рассказа, всеми его образами Андреев утверждает, что без огня любви человек бессилён перед лицом смерти. Когда же он чувствует в себе внутренний огонь — дыхание жизни, радость

78 См.: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк.6:45); а также: «А исходящее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет человека; ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любоддеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, — все это зло изнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7:21–23).

79 Холко П. Ф. Основы православия. Вильнюс, 1991. С. 211.

бытия, тогда он живёт и растёт. А когда огонь гаснет, человек погружается во тьму, страх и отчаяние, разлагается и умирает.

Создавая художественный образ Елеазара, Андреев не только раскрывает свою художественную концепцию смерти, но и, вероятно, предупреждает современников о грядущих изменениях духовной и материальной культуры.

Что происходит со средой обитания человека в XX веке? Физическая среда обитания человека становится опасна: земля и вода отравлены радиацией и химикатами, воздух загрязнён отходами сгорания. Также и духовная культура современности во многом затемнена псевдознанием, законничеством, формализмом, утопическими иллюзиями и призраками бытия — симулякрами. Небытие наступает, отравляет все стихии жизни, убивает все живое, превращая все в камень, пытаясь погасить огонь человеческого духа, который один только может сопротивляться надвигающейся смерти. Об этом и предупреждает Андреев.

В XX веке прямыми литературными продолжателями андреевской темы ожившего, но не воскресшего духовно мертвеца становятся братья Стругацкие, в частности, в их повести «Пикник на обочине» (1971)⁸⁰ наблюдается массовое воскрешение мертвецов, похороненных на кладбище, оказавшемся внутри «Зоны», в том числе наиболее проработанный образ воскресшего телом, но не ожившего душой отца Рэдрика Шухарта.

В последствии — уже в начале XXI века в русской литературе складывается даже целый новый жанр — «жанр зомби-апокалипсиса»⁸¹, в ряду литературных предтеч которого, наряду с Ф. М. Достоевским («Преступление и наказание»), Л. Н. Толстым («Воскресение»), В. В. Маяковским («Про это», «Клоп») и А. П. Платоновым («Котлован»), оказывается также и Л. Н. Андреев⁸² с его рассказом «Елеазар».

Источники

Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Рассказы 1898–1903 гг. / редкол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; вступ. статья А. Богданова; сост. и подгот. текста

80 Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине: Фантастическая повесть / Стругацкий А., Стругацкий Б. Назначенные встречи. М., 1980. С. 63–210.

81 Крылова М. Н. Современный отечественный зомби-апокалипсис. С. 65–75.

82 Юрина Н. Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва (Соловьёв и Яровский) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 256–266.

В. Александрова и В. Чувакова; коммент. В. Чувакова. М.: Художественная литература, 1990.

Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т.5 / тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. М.: Наука, 2007.

Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 8 т. СПб., 1913.

Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн. М.: Наука, 1965.

Литература

Афонин Л. Н. Леонид Андреев. Орёл, 1959.

Балабанова Н. Горький о правде факта и правде жизни: К борьбе против натурализма в искусстве // Творческий метод. М.: Искусство, 1960. С. 282–297.

Безрелигиозное христианство // Православная энциклопедия. Т.4. С.447. URL: https://www.pravenc.ru/text/77816.html#part_2 (дата обращения: 11.01.2023).

Волошин М. А. «Елеазар», рассказ Леонида Андреева // *Волошин М. А.* Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 450–456.

Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8: Критические и публицистические статьи (1831–1836, 1845–1850). Л.: Академия наук СССР, 1952. URL: <http://n-v-gogol.ru/books/item/f00/s00/z0000019/st007.shtml> (дата обращения: 12.01.2023).

Гусева Т. К. Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2012. № 2. С. 14–26.

Жизнь и труды апостолов К.: Типография Киево-Печерской Лавры, 2012. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-lazar-chetverodnevnyj> (дата обращения: 11.01.2023).

Зеленцова С. В.; Михеичева Е. А. Преодоление смерти: литературный эксперимент Л. Н. Андреева и Х. Л. Борхеса // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 215. 2017. С. 115–122.

Иванов-Разумник Р. В. О смысле жизни: Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов СПб., 1908.

Иезутова Л. А. «Елеазар», библейский рассказ Л. Н. Андреева // Блоковский сборник XIII (Памяти В. И. Беззубова): Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996.

Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. М., 1991.

Килияньска О. Жизнь и смерть в художественной концепции Л. Н. Андреева // Художественный текст глазами молодых: материалы конференции. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 22 октября 2016 г. Ярославль, 2017. С. 74–77.

- Кинхей Л. Г., Ларина Н. А.* Модели «посмертного существования» в новеллистике Леонида Андреева // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2018. №1. С. 36–41.
- Кодохов В. И.* Общее языкознание. М.: Высшая школа, 1974.
- Крылова М. Н.* Современный отечественный зомби-апокалипсис: штрихи к портрету нового литературного жанра // *Филология и человек*. 2018. №2. С. 65–75.
- Кулова Т. Н.* Творческие искания Леонида Андреева // *Критический реализм XX века и модернизм* / ред. Н. Н. Жегалов и др. М.: Наука, 1967.
- Кьверкегор С.* Болезнь к смерти // *Этическая мысль: Научно-публицистические чтения / редкол.: А. А. Гусейнов и др. М.: Политиздат, 1990.*
- Левина И. М.* Гойя. Л.–М.: Искусство, 1958.
- Мережковский Д. С.* В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991.
- Михеевича Е. А.* Мотив воскрешения в творчестве Леонида Андреева // *Проблемы исторической поэтики*. 2017. Т. 15. №1. С. 68–79.
- Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996.
- Плешков А. А.* Тропами экзистенциализма: Леонид Андреев как философский писатель // *Вопросы философии*. 2012. № 9. С. 109–120.
- Пращерук Н. В.* Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев // *Диалоги классиков — диалоги с классикой: сб. науч. ст. Вып. 4: Эволюция форм художественного сознания*. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2014. С. 99–110.
- Реквием.* Сборник Памяти Леонида Андреева / под ред. Д. Л. Андреева, В. Е. Беклемишевой; предисл. В. И. Невского. М.: Федерация, 1930.
- Рижский М. С.* Библейские вольнодумцы: Иов. Екклесиаст. М.: Республика, 1992.
- Рубан А. А.* Мифопоэтика и интертекст прозы Л. Андреева: дис. канд. филол. наук. Харьков, 2002.
- Стругацкий А., Стругацкий Б.* Пикник на обочине: Фантастическая повесть // *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Неназначенные встречи. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 63–210.
- Фёдоров Н. Ф.* Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Николая Фёдоровича Фёдорова / ред. В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон. Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913.
- Фёдоров Н. Ф.* Философия общего дела: в 2 т. М., 2003.
- Фёдоров Н. Ф.* Сочинения: в 4 кн. М.: Прогресс; Традиция, 1995–2005.
- Фотиадис Д. К.* Концепция личности в творчестве Л. Н. Андреева и М. А. Булгакова: художественный неомифологизм и проблема амбивалентности характера: дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2008.
- Хопко П. Ф.* Основы православия. Вильнюс, 1991.
- Цесля Д.* Смерть в художественной концепции Л. Н. Андреева // *Художественный текст глазами молодых: материалы конференции. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 22 октября 2016 г. Ярославль, 2017. С. 69–73.*
- Юрина Н. Г.* Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва (Соловьёв и Яровский) // *Вестник Чувашского университета*. 2010. № 4. С. 256–266.